

полития

Д.О.Тимошкин

«ВАС ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НЕ ЖИВЕТ»: ВНУТРЕННЯЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И ГОРОДСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ ИРКУТСКА И КРАСНОЯРСКА В ГОРОДСКИХ МЕДИА¹

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Президента РФ «Фронтирные территории в городах Сибири и Дальнего Востока».

Дмитрий Олегович Тимошкин — кандидат социологических наук, научный сотрудник Лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета. Для связи с автором: dmrtim@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена противостоянию между влиятельными группами, то есть коалициями акторов, обладающих доступом к городским институциональным ресурсам, и жителями локальностей, подпадающих под программы развития застроенных территорий, в медийном пространстве Иркутска и Красноярска. Программы развития застроенных территорий квалифицируются автором как попытки влиятельных групп присвоить обширные городские локальности с целью извлечения прибыли. При этом влиятельные группы конструируют оправдывающий экспансию образ города и отдельных его фрагментов, который оспаривают жители, отстаивающие собственные представления о спорных территориях. Позиции противостоящих сторон находят отражение в публичных высказываниях, связывающих с локальностью, за обладание которой идет спор, определенные социальные и пространственные смыслы.

В статье анализируется аргументация сторон при определении символического пространства спорных территорий, речевые приемы влиятельных групп, используемые ими для утверждения своего права на город, и их восприятие жителями. Цель статьи заключается в фиксации значений, придаваемых влиятельными группами и жителями оспариваемым территориям, нарративов, оправдывающих действия по проектированию их будущего. Обозначающие спорные территории топонимы трактуются как «пустые знаки», содержание которых задают участники медийной дискуссии, связывая их с теми или иными пространственными, эмоциональными или социальными категориями. Транслируемый влиятельными группами образ спорных территорий Иркутска и Красноярска рассматривается через метафору фронта: позиция власти сопоставляется с позицией колонизатора,

осваивающего территории путем силового перераспределения имеющегося у местного населения ресурса. В легитимационных нарративах власти изъятие этого ресурса оправдывается отсталостью и девиантностью его прежних владельцев, а также императивами «прогресса». Вместе с тем в отдельных случаях экспансия влиятельных групп стимулирует консолидацию жителей, способных в перспективе превратиться в значимого игрока на политической сцене постсоветских городов.

Ключевые слова: образ города, медиа, городские политические режимы, фронтир, Красноярск, Иркутск, дискурс, развитие застроенных территорий

«Реновация» и «развитие застроенных территорий» — эвфемизмы, обозначающие в сибирских реалиях довольно болезненные и неоднозначные² процессы радикального «редактирования» городов. Часто под этим подразумевается снос определяемой как ветхая или аварийная застройка и последующее возведение новых коммерческих объектов и/или многоэтажных жилых домов. Это стимулирует масштабную внутреннюю миграцию³, как вынужденную, так и добровольную. Множество людей переезжает в другие районы, на их место прибывают другие. Что не менее важно, меняется само «место», его социальный и физический ландшафт и даже течение времени в его контексте⁴. Меняется плотность людских потоков, фасады, их наполнение, экономика

² Медведев 2017: 91.

³ Грац 2008: 233.

⁴ Тимошкин и Григоричев 2018.

⁵ Григоричев и др. 2019.

и маршруты, назначение территории, ее смысл⁵.

⁶ Харви 2018: 70.

⁷ См. Ротбард 2017.

⁸ Трущенко 1995.

⁹ Меерович 2014: 109.

¹⁰ Ледаев 2006.

¹¹ Медведев 2017: 151.

«Развитие застроенных территорий» (РЗТ) — механизм, конфликтный потенциал которого огромен, он все чаще применяется к территориям, на которых расположены сотни домовладений. Предполагается, что жители должны быть заинтересованы в соответствующих программах, однако на практике так происходит далеко не всегда. РЗТ рождает целый спектр конфликтов — конфликты за доступ к городским благам⁶, конфликты памяти⁷, конфликты, связанные с символической ценностью районов и сегрегацией⁸. РЗТ вновь и вновь подчеркивает актуальность ключевых для городской политики проблем. Это и проблема социальной справедливости, и проблема неравного доступа городских сообществ к базовым, но часто игнорируемым властями благам вроде экологии, вида из окна, горизонтальных сетей, привычного образа жизни. Конфликты вокруг РЗТ подводят и к более фундаментальному вопросу: появилось ли у российских городов собственное мнение относительно своего будущего⁹, или же оно по-прежнему подчинено некоей единой неоспоримой доминанте?

Программы РЗТ позволяют городским политическим режимам¹⁰ (в данном случае под ними понимаются коалиции застройщиков и муниципальных чиновников) изымать собственность под «публичные нужды»¹¹, что может означать насильственный выкуп земли по заниженным ценам и передачу ее бизнесу. Реализация этих программ ставит

¹² Харви 2008.

вопрос о «праве на город» в интерпретации Дэвида Харви, то есть не просто о возможности пользоваться городскими благами, но и о праве изменения города¹². Программы начинают напоминать политическую сцену российских городов в миниатюре, заставляя все задействованные в них группы обнаруживать свой политический ресурс. Исход конфликтов, связанных с РЗТ, формирует у жителей и городских режимов представления о том, чем, собственно, является их город, что здесь можно, а что — нельзя, какие тактики принесут плоды, а какие — нет, что непосредственно сказывается на облике городов¹³.

¹³ Трофимов, Шарыгин и Исмагилов 2008.

¹⁴ McCombs 2004.

¹⁵ Абрамова 2018.

В любом случае программы РЗТ и особенно порождаемые ими конфликты выступают прекрасными информационными поводами¹⁴. СМИ активно подхватывают эту тему¹⁵, генерируя множество текстов, содержащих отсылки к проблеме «развития застроенных территорий». Программы становятся частью повестки дня, и каждая из участвующих в дискуссии групп выстраивает определенный образ территории и того, что на ней происходит, используя его как оправдание, предлог, способ утвердить на нее свое право.

В медийном пространстве Иркутска и Красноярска подобных локальностей упоминается множество — отдельные дома, кварталы и целые районы, которые предполагается «развивать». Просматривая медиа, можно без труда обнаружить, что некоторые территории в них фигурируют чаще других. В Иркутске это улицы Якоби и Театральная, часть деревянного исторического центра, Первый поселок ГЭС; в Красноярске — некоторые части улицы Ады Лебедевой и ряд других мест в центре города, где за внешним фасадом из отреставрированных каменных зданий скрываются деревянные постройки с почти вековой историей, в частности Николаевка, большой остров деревянной застройки, со всех сторон окруженный новыми многоэтажными жилыми домами, и Покровка.

¹⁶ Линч 1982.

¹⁷ Лефевр 2015.

Зафиксированные в медиа рефлексии событий на спорных территориях и стали предметом настоящего исследования. Нас интересовало, какие группы представлены в медийных обсуждениях «редактируемых» локальностей, какой социально-пространственный образ они формируют и как используют его при проектировании будущего. Представленные в медиа описания «редактируемых» территорий рассматривались через оптику Кевина Линча¹⁶ и Анри Лефевра¹⁷ как образы города, моменты переживания-рефлексии постоянно меняющейся среды. Городские медиа в этом контексте выступают в роли «фабрик», производящих образы городских пространств из поставляемых городскими сообществами материалов — личного опыта их переживания и стереотипов.

¹⁸ Абашев и Печищев 2018; Ильина 2018.

Эти образы — не только «отражение», но и фрагменты города как он есть, его постоянно изменяющаяся под влиянием «производительного пространства» часть¹⁸. Тексты не просто транслируют позиции городских сообществ и их пожелания, но могут повлиять на то, как будет выглядеть та или иная территория и кто будет ею пользоваться. Иными

словами, городские сообщества офлайн будут действовать по отношению к той или иной территории в соответствии с выражаемыми в медиа декларациями.

Эмпирическую базу исследования составили размещенные в иркутских и красноярских цифровых медиа тексты, отображаемые поисковой системой Google по запросам «реновация», «переселение», «ветхое и аварийное жильё», «деревянный», «застройка», «дом», «Иркутск», «Красноярск». Всего было проанализировано более 100 текстов. Анализ осуществлялся с использованием метода КДА¹⁹: знак, относящийся к оспариваемым территориям, рассматривался как пустой, изменчивый, который участвующие в обсуждении группы пытаются заполнить, связывая с ним те или иные пространственные и социальные категории.

¹⁹ См. Йоргенсен и Филлипс 2008; Ван Дейк 2013.

«Самое тяжелое — это люди»: позиция власти

Отправной точкой появления темы реновации в повестке дня обычно становится заявление влиятельных групп о начале экспансии — о том, что территория N включена в программу РЗТ или что она застроена ветхими/аварийными домами и ее необходимо «расчистить»²⁰, дабы возвести там нечто новое. Альтернативным поводом, который встречается гораздо реже и может трактоваться скорее как исключение, является возмущение жителей, в течение многих лет безуспешно пытающихся добиться переселения из аварийных домов, чьи требования игнорируются городскими властями²¹.

²⁰ <http://www.trk7.ru/news/99895.html>.

²¹ <https://aif.ru/ugol/communal/1423979>.

Экспансия в локальности, подпадавшие под программу, сопровождается дискуссией между тремя условными группами. Во-первых, это застройщики и представители муниципальных и региональных властей, которые, как правило, выступают единым фронтом и транслируют схожие образы оспариваемого пространства и планы на его будущее (далее мы будем именовать их влиятельными группами). Во-вторых, это эксперты (планировщики и архитекторы) и наблюдатели-журналисты. Наконец, это жители — люди, проживающие на затронутых программой территориях. Относительно неизменной остается только позиция влиятельных групп, у остальных она может варьировать. Эксперты и наблюдатели могут критиковать подход городских властей к «освоению» той или иной территории, а могут, напротив, его поддерживать. Позиция жителей неоднородна, часть из них может принимать условия, выдвигаемые режимом, другая — отвергать их. Их высказывания могут использоваться в качестве аргумента как влиятельными группами, так и экспертами и наблюдателями.

Городской режим стремится сформировать повестку дня, представляющую экспансию в выгодном свете. Массовый снос и застройка преподносятся как инструменты экономического и социального развития городского пространства, способ обеспечения людей новым жильем. Утверждается, что радикальное «редактирование» локальности производится в интересах «города», который «должен развиваться». В транслируемой городским режимом повестке «осваиваемые»

территории объявляются «пустующими», а значит, пригодными для внутренней экспансии.

Претензии влиятельных групп на эксклюзивное право манипулировать физическим и социальным пространством спорных территорий оправдываются обилием «некрасивых» и «неудобных» зданий, «тяжким бременем» поддержания «звания старинного города»²², «беспорядком», от которого необходимо «избавиться». Администрация и застройщики формируют негативный образ локальности, используя слова «баракы», «неприглядно», «беда», «век отслужили»: *«Покосившиеся стены и окна, обветшалые фасады, а в подъезды даже страшно войти... Никакой ценности, исторической или культурной, они не представляют. Разве что оставить один для потомков, чтобы знали, как люди раньше жили»*²³. Пространство представлено так, чтобы у читателя не осталось сомнений: единственная адекватная мера по отношению к локальности — снос.

Определив территорию экспансии как погрязшую в разрухе периферию, спикеры, транслирующие позицию городского режима, переходят к населению. Используя выражения вроде «люди, перед которыми ничего хорошего не вырисовывалось», «граждане, не имеющие достаточно привилегий» и т.п., они и солидаризирующиеся с ними журналисты стараются показать, что проживающие на территории люди под стать ее физическому облику — ветхие и неприглядные, которые будут только рады, если их дома снесут. Сходным образом высказываются и застройщики, если им приходится публично отвечать на обвинения в неэтичном поведении или нарушении закона: *«Летом ваши строители снесли в Николаевке дом, в котором жила пожилая женщина. <...> Что там произошло? — Та же самая элементарная зависть. <...> Видимо, бабушку к этому подготовили. Я полагаю, там не очень благополучная семья»*²⁴. Подобные заявления готовят почву для опровержения возможных (или уже артикулированных) аргументов противников сноса. Те, кто пытается оспорить подход застройщика и администрации, а следовательно, и их точка зрения объявляются социально несостоятельными. Утверждения о девиантности самого пространства и его социального наполнения преподносятся как очевидное знание, существующее на уровне здравого смысла, что также укрепляет позицию городского режима и выступающих от его имени журналистов.

На территории, ставшей объектом экспансии, переопределяется право частной собственности: оно упраздняется, если мешает влиятельным группам. Требования недовольных предложенной компенсацией объявляются неоправданно завышенными: *«Примерно половина из всех людей почему-то возмнили, что их объекты имеют космическую стоимость — я не утрирую. <...> Оставшиеся говорят: хочу за свой домик, баню и сарай 12 млн руб.»*²⁵. Желание человека получить за свое жилье как можно больше подается как проявление неадекватности. Подразумеваемая собственником неприкосновенность имущества

²² <http://baik-info.ru/rasselyat-dosrochno>.

²³ <http://baik-info.ru/kak-irkutsk-izbavlyetsya-ot-zastroyki-50-h-godov>.

²⁴ <https://ngs24.ru/news/more/51326171/>.

²⁵ <https://dela.ru/news/nikolaevka-zastroyka/>.

перечеркивается словом «возомнили», имеющим негативную коннотацию. В приведенном высказывании спикер-застройщик не просто ставит свою выгоду от экспансии на территорию выше интересов ее фактических владельцев, но и считает это само собой разумеющимся.

Влиятельные группы стараются представить принудительное переселение как акт благотворительности. Если же жители настаивают на выплате большей, нежели предполагала власть, компенсации, это объявляется эгоистичными²⁶, глупыми попытками отсрочить неизбежное или даже «саботажем»²⁷. Несогласных с установленной суммой компенсации изображают жадными и недалекими людьми, не понимающими собственной выгоды и желающими нажиться на «прогнесе». По словам бывшего заместителя мэра Иркутска Юлии Ефимовой, «самое тяжелое... это люди. Некоторые считают, что если до них дошла власть, значит нужно требовать по максимуму»²⁸.

В качестве примера, демонстрирующего право городского режима на собственность горожан, Ефимова использует историю жителей дома в центре Иркутска, которые были не согласны с предложенной компенсацией: «Они держали осаду на Франк-Каменецкого с 2009 года, они там окопались, требуя несколько квартир для переселения... Мы купили им однокомнатную квартиру на Джамбула, которая в ценах 2009 года стоила 3,5 млн рублей. Они отказались туда переселяться, ни на какие переговоры не шли, мотивируя это тем, что живут в центре города, где стоимость сотки земли — миллион рублей»²⁹. В итоге жителей заставили выехать через суд, выплатив им 1,7 млн. Сейчас на месте их дома находится парковка, рядом с ней — многоэтажный жилой дом, где средняя стоимость жилья колеблется в районе 70 тыс. за квадратный метр. Посыл этого выступления, равно как и других, в которых Ефимова упоминает эту историю, очевиден: собственника приглянувшейся недвижимости переместят в любом случае, да еще и оставят без гроша, так что лучше сразу брать, что дают.

Стремясь минимизировать издержки экспансии, влиятельные группы пытаются представить соображения, по которым люди ценят свое жилье, как нечто несущественное: «Жители исторического центра Иркутска с трудом расстаются со своим бывшим жильем, и их можно понять — со старыми домами связаны воспоминания, значительная часть жизни, более того — они удобно расположены. Но всегда следует помнить — все это не стоит риска проживания в аварийном доме, а новое жилье содержит огромное количество преимуществ и такой уровень комфорта, который с лихвой компенсирует все преимущества старого жилья»³⁰. При этом городские власти столь низко оценивают стоимость изымаемой собственности, что компенсации едва хватает на приобретение самых дешевых квартир на окраине³¹. Прошлое территории и частные воспоминания, словом, все то, что делает ее столь ценной в глазах человека, прожившего там десятилетия, полностью сбрасывается со счетов. Если в высказываниях жителей исторический бэкграунд является аргументом в пользу

²⁶ <https://www.irk.ru/news/articles/20170630/house/>.

²⁷ <https://irkutskmedia.ru/news/390331/>.

²⁸ <http://baik-info.ru/rasselyat-dosrochno>.

²⁹ http://sia.ru/?section=484&action=show_news&id=307256.

³⁰ <https://1bis.ru/articles/chudesarenovacii-zhilya-v-irkutske/>.

³¹ <http://www.vsp.ru/2015/08/04/bolshoe-pereselenie-2/>.

сохранения пространства, то в высказываниях власти — поводом его уничтожить: «56 домов снесут в Иркутске в этом году <...> В основном аварийное жилье или уже бесхозные сооружения. По сути, это бомбы с часовым механизмом. В любой момент такие постройки могут вспыхнуть»³².

³² <https://7ka.tv/news/70841>.

³³ <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/exclusives.asp?id=1006777>.

³⁴ <https://ngs24.ru/news/more/66215449/>.

³⁵ <https://irk.aif.ru/society/edu/414601>.

³⁶ <http://irkutskinform.ru/2018/09/13/irkutskiy-opyt-dlya-vсей-rossii-dmumru/>.

³⁷ <https://realty.irk.ru/analytics.php?id=18184&action=show>.

³⁸ <http://www.vsp.ru/2015/10/13/gradostroitel'naya-perezagruzka-4/>.

³⁹ <https://dela.ru/news/243994/>.

⁴⁰ https://baikvesti.ru/new/the_duma_of_irkutsk_to_build_to_relocate_to equip.

⁴¹ <http://www.vsp.ru/2015/10/13/gradostroitel'naya-perezagruzka-4/>.

⁴² <https://baikal.mk.ru/articles/2017/06/21/zhitelny-avariynykh-domov-vzyali-v-zalozhniki.html>.

⁴³ <https://dela.ru/articles/nikolaevkagenplan/>.

⁴⁴ <https://ngs24.ru/news/more/50408341/>.

В формируемой городскими режимами повестке проект равен значен реальности. Так, говоря об изменениях, которые произошли с Красноярском перед универсиадой, губернатор края рассказал о сносе деревянной застройки одного из центральных районов города. И хотя к моменту интервью большая часть этой территории оставалась еще нетронутой, губернатор объявил ее несуществующей: «*Это одноэтажные деревянные дома. Легендарная „Николаевка“ уже перестала существовать, благодаря этому проекту у нас соответственно ведется и расселение людей*»³³. Слово представителя власти приравнивается к уже свершившемуся факту.

Для оправдания позиции городского режима используются ссылки на различного рода «объективные» обстоятельства (например, «исторические»³⁴) или трансцендентное. Трансцендентным оказывается сам «город», который провозглашается единым целым и наделяется волей³⁵, а представитель администрации становится его голосом. Выступая от имени «города»³⁶, публичное лицо может декларировать, что «городу» нужно снести дома на той или иной территории, что «город» осознает необходимость реновации³⁷, что снос домов — «единственный путь развития»³⁸.

Право городского режима на город утверждается посредством формируемых представлений о том, как город «должен»³⁹ выглядеть. Провозглашая, например, что городской центр «должен» выглядеть так, как предусмотрено проектом, влиятельные группы наделяют проект статусом не предположения и предложения, а очевидного знания и здравого смысла. Конструируется впечатление безальтернативности будущего, которое может иметь только тот вид, в каком оно фигурирует в проекте, будучи поставлено в один ряд с «переселением»⁴⁰. При этом выбор конкретной территории для «развития» зависит от застройщика. Если он заинтересован в некоей территории в силу ее ресурсной привлекательности, она будет расчищена⁴¹. Если не заинтересован, то даже те, кто хотел бы поменять деревянные дома на квартиры в новостройке, останутся на своих местах⁴².

В публичных высказываниях влиятельных групп создается образ фактически еще не существующего города, причем его расхождение с реальностью или пожеланиями населения подается как проблема реальности и населения, а не образа⁴³. Причиной несоответствия города образу оказываются его «хаотичность» и «неупорядоченность». Население же в нарративах власти предстает скорее как помеха использованию ресурса, которая лишь оттягивает неизбежное: «*В любом случае, хочет жилец, не хочет — через суд будут выселять, и мы снедем абсолютно все*»⁴⁴.

Иначе говоря, экспансия городского режима осуществляется в первую очередь путем утверждения его права на будущее. Влиятельные группы позиционируют отвечающий их интересам проект как единственно возможный, тем самым исключая лишние доступа к институциональному ресурсу сообщества из участия в его формировании. Экспансия в пространстве символическом несколько опережает вмешательство непосредственно в физическое пространство территории. Сначала объявляется о том, что район X не отвечает неким идеалистическим представлениям о его надлежащем облике, из чего делается вывод о необходимости его «развития». Декларируемые на первом этапе цели и средства их достижения могут быть любыми, но вслед за их провозглашением рано или поздно обязательно появляется бульдозер.

Наглядным примером такого хода событий служит опыт красноярской Николаевки. Начало активной экспансии было положено в 2010 г., когда были внесены изменения в Правила землепользования и застройки (ПЗЗ) г. Красноярска. Тогда же было анонсировано строительство моста через Енисей, развязка которого должна была проходить как раз в районе Николаевки. И если изначально планировался снос домов только на месте развязки, то вскоре, ссылаясь на «разный возраст домов», «хаотичную застройку», «проблемы в отношении инженерной инфраструктуры» и т.п.⁴⁵, власти заговорили о зачистке района в целом. Правда, в публичном пространстве они продолжали утверждать, что за пределами территории, необходимой для возведения моста и развязки, сносить будут лишь те дома, жители которых сами захотят переехать: *«Особо хочу подчеркнуть, что вопрос о немедленном и массовом сносе домов в Николаевке не стоит и в принципе невозможен без согласия их владельцев»*⁴⁶. Однако после того как развязка и мост были построены, язык власти сменился. Апеллируя к новой версии ПЗЗ, городская администрация заявила, что частные дома на некоторых участках Николаевки не соответствуют действующим правилам, а сама территория подпадает под проект «комплексного развития», подразумевающий снос частных домов и передачу «освободившейся» земли инвестору⁴⁷. При этом жильцам было предложено либо «самостоятельно организовать деятельность по комплексному развитию», либо, получив компенсацию, съехать, либо идти в суд⁴⁸. О том, что без их согласия ничего сносить не будут, речи уже не шло.

⁴⁵ <https://dela.ru/articles/nikolaevkagenplan/>.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ <https://dela.ru/news/243866/>.

⁴⁸ https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=2ahUKEwjZ6rTERNDIAhXJwqYKHV3HAOUQFjAAegQIABAB&url=https%3A%2F%2Fdela.ru%2Farticles%2Fnikolaevkagenplan%2F&usg=AOvVaw1VDNDuYVEhb_lf3VbgyeFD.

**Фронт, память
и локальные
практики:
позиция жителей**

За редкими исключениями право влиятельных групп на будущее города не ставится жителями под сомнение. Режим выступает в качестве гаранта изменений, чаще всего — разрушения сложившейся на сегодняшний день структуры пространства. Другие группы могут вступать в публичную дискуссию, только уже согласившись с неотвратимостью изменений и оспаривая лишь детали процедуры. Заявления влиятельных групп заставляют относиться к локальности как уже фактически упраздненной, что порождает попытки наблюдателей и местных

⁴⁹ <http://newslab.ru/photo/500263;https://tvk6.ru/publications/news/45172/>.

жителей переосмыслить ее ценность, сохранить ее хотя бы в виде воспоминаний⁴⁹. Чаще всего опровергается не предлагаемый режимом образ будущего города, а образ его прошлого, на котором строится аргументация.

Вместо «ветхости» и «несовременности» с территорией связывают «экологичность» и «покой», вместо «пустоты» и «заброшенности» — уникальные локальные практики, аутентичность. Хаосу противопоставляют собственное глубокое знание микромира, существующего в пределах назначенного на уничтожение пространства, его функциональность и, что не менее важно, привычность. Другими словами, жители, даже смирившись с тем, что вскоре все это останется в прошлом, видят упорядоченную структуру, складывающуюся из формировавшихся десятилетиями сетей и маршрутов, там, где власть видит хаос и дезорганизацию.

В высказываниях жителей возникает альтернативный образ пространства «здесь и сейчас», практически отсутствующий в выступлениях чиновников и застройщиков. Если последние говорят преимущественно о состоянии территории в прошлом и будущем, не затрагивая сам процесс ее «редактирования», то жители и наблюдатели часто на нем фокусируются, представляя его как весьма болезненный. Переходное состояние обретает вид «поля боя», на котором жители «держат оборону» от произвола застройщиков⁵⁰.

⁵⁰ <https://ngs24.ru/news/more/54297121/>.

Попадание локальности в зону реновации приводит к изоляции жителей. Строительная техника меняет привычные пешеходные и автомобильные маршруты, грязь, кучи земли и строительного мусора отрезают людей от городской инфраструктуры: *«Поликлиника детская за линией — мы туда сходить не можем. К нам не ходят педиатры, не носят почту, даже „скорая“ приезжать отказывается — из-за отсутствия нормальных дорог они попросту не могут сюда проехать. Живем как в резервации»*⁵¹.

⁵¹ <https://ngs24.ru/news/more/50408341/>.

Милитарные метафоры используют и журналисты-наблюдатели: *«Сейчас большая часть территории Николаевки похожа на линию фронта. Повсюду снуют строители, работают краны и экскаваторы. Посреди земляных валов и огромных ям, похожих на воронки от взорвавшихся снарядов, то тут, то там, словно островки, стоят пока еще целые домики. <...> 47-летняя Татьяна Елеонович живет, можно сказать, на самой линии фронта — однокомнатный дом в 26 „квадратов“ по ул. Огородная, 11 стр. 1, с которого в марте строители сорвали крышу, теперь находится практически в эпицентре строительства и со всех сторон окружен земляными развалами»*⁵². Визуальные образы «резервации» или «линии фронта» дополняются горящими домами⁵³, к беспомощности добавляется страх.

⁵² Там же.

⁵³ <https://ngs24.ru/news/more/50337711/>.

Между городом и оспариваемыми территориями идут «бои», город «наступает», спорные пространства «обороняются»⁵⁴. Эмоциональное наполнение образа оспариваемых территорий, создаваемого жителями, противоположно тому, что транслирует власть. Если в нарративах муниципальных чиновников используется риторика «освоения целины»,

⁵⁴ <http://newslab.ru/photo/804010/>.

энтузиазма и прогресса, то в рассказах жителей сквозит растерянность и отчаяние. Наблюдатели обращают внимание на отказ городского режима от диалога с жителями. Весьма показателен в этом плане материал, где описывается практика проведения общественных слушаний, напоминающих скорее спектакли и организованных с расчетом на то, что на них никто не придет. Даже демонстрируемые на них карты предполагаемой застройки изготавливаются так, чтобы ничего нельзя было разглядеть. Если же, несмотря на все усилия, жители голосуют не так, как хотелось бы властям, их мнение демонстративно игнорируется⁵⁵.

⁵⁵ <https://kras.mk.ru/social/2019/06/04/publichnye-slushaniya-na-chto-vse-eto-i-komu.html>.

Героиня текста «Моя Николаевка», прожившая в этом районе не одно десятилетие, вспоминает, как было когда-то организовано пространство и почему оно ей дорого. Заголовок можно интерпретировать как заявку на право на город, однако в тексте речь идет о прошлом, именно его героиня хочет сохранить и именно в нем видит ключевую ценность территории. С ним она связывает свою идентичность, конструируя ментальную карту района с узлами, маркерами, ресурсами, с информацией о том, кто в Николаевке лечил язвы, у кого можно было купить самые вкусные огурцы, с воспоминаниями о местных героях и чудаках.

Смирившись с неотвратимостью победы городского режима, жительница утверждает свое право на город в прошлом, потому что отказать от него — значит отказать от себя: *«Эти уникальные улицы для меня — память моей юности и любовь к прошлому, к старой Николаевке, — рассказывает Галина Петровна. — И эта ностальгия подстегнула меня пойти и снять все, что еще осталось от слободы. Память о прошлом я решила сохранить в фотографиях и рисунках. <...> Какие же пространства света и жизни будут отняты у этой земли, у этого зеленого острова! Жаль, что никто не предлагает сохранить традиции прошлого столетия, оставить для города этот зеленый уголок, который сделал бы его еще краше»*⁵⁶. Территория перестает быть «пустым знаком», обретая в этих рассказах индивидуальность и эмоциональную глубину.

⁵⁶ <https://www.gudok.ru/zdr/176/?ID=621928&archive=25190>.

Наблюдатели и цитируемые ими жители опровергают конструируемый влиятельными группами образ деградирующей деревни, населенной маргиналами, и при этом подчеркивают значение территории как места памяти, островка экологического благополучия: *«Сижу как будто на чемоданах, настроения никакого — может, через месяц-полтора и мой дом снесут. Дуб около дома растет — он на три года младше меня, его вроде бы решили оставить. <...> Я здесь все тропинки знаю — глаза завяжи, любую улицу найду. Это же самый классный район, везде чистота — это сейчас все сносят, а раньше стена из деревьев была, все в зелени утопало. Никто ничего не вырубал никогда. Сирень, черемуха, яблони — чего тут только не было. Абсолютно спальный район — люди спокойные живут, а бичи? Они везде есть. Но тут редко когда увидишь таких. Тут люди отдыхают, даже у ветра вкус другой»*⁵⁷.

⁵⁷ <https://ngs24.ru/news/more/50408341/>.

Наблюдатели могут интерпретировать слова жителей в нужном для себя ключе, не особо заботясь об их содержании: *«Уезжать из родного родительского дома жалко, признается пожилая женщина, но новому месту и благоустроенной квартире она рада: — Конечно, рада. И домик у меня сейчас хороший, жалко. Свое есть свое. Всю жизнь тут прожила, родители тут были. Жалко расставаться»*⁵⁸. Собеседница согласилась с журналистом, что рада получить благоустроенную квартиру, но немедленно дала понять, что ей жаль расставаться и с домом, и с воспоминаниями, и с пространством, которое стало частью ее самой. И хотя все проявления радости героини по поводу предстоящего переезда свелись к лаконичному «Конечно, рада», тут же перечеркнутому другими высказываниями, текст озаглавлен «История пенсионерки, которая 40 лет ждала расселения из Николаевки».

⁵⁸ <https://ngs24.ru/news/more/65549181/>.

В иных случаях наблюдатели вовсе игнорируют сказанное собеседниками, даже если те артикулируют опровергающие основной посыл публикации мысли. Так, в одном из текстов, описывающем переселение из районов рядом с улицами Якоби и Театральной в Иркутске, наблюдатель приводит слова местных жителей в подтверждение позиции власти, которую очень подробно представил в начале. Позиция власти сводится к тому, что эти территории девиантны и потому нуждаются в расчистке во имя «развития города». При этом двое из трех цитируемых им жителей не согласны либо с самой этой позицией, либо с методами влиятельных групп⁵⁹.

⁵⁹ <http://baik-info.ru/kak-irkutsk-izbavlyaetsya-ot-zastroyki-50-h-godov>.

В большинстве текстов жители представлены как пассивная группа, пытающаяся отстоять, да и то безуспешно, разве что самые базовые вещи — цену своего дома и земли. Однако встречается и иное. И в иркутских, и в красноярских СМИ можно найти упоминания о попытках оспорить не только транслируемые режимом образы прошлого и настоящего территории, но и образ будущего, как и само право его «редактировать». В качестве примера можно привести случай Первого поселка ГЭС в Иркутске. Это небольшой участок в нескольких сотнях метров от водохранилища, застроенный двухэтажными особняками, возведенными в 1950-е годы. Местоположение района, изобилие зелени, близость популярных в городе рекреационных зон делают его весьма привлекательным местом.

В 2017 г. городской режим объявил большинство находящихся в этом районе домов аварийными и подлежащими сносу. Выяснилось, что район включили в программу РЗЗ и там планируется строительство элитного жилья. Жители района уже на начальном этапе смогли организовать сопротивление, построив свою тактику на опровержении утверждений муниципальных чиновников, которыми оправдывалась экспансия. Взяв на вооружение язык нормативных актов, которым обычно пользуются влиятельные группы, они поставили под сомнение как «аварийность» домов⁶⁰, так и компетентность власти в определении того, что именно должно идти под снос.

⁶⁰ <https://www.irk.ru/news/20170428/house/>.

Прежде всего были оспорены экспертные заключения о признании домов аварийными. В частности, было показано, что зафиксированные в них необратимые повреждения фундамента на самом деле есть не более чем потрескавшаяся на фасадах краска.

Затем была оспорена риторика «прогресса». За стандартными для таких ситуаций высказываниями представителей власти о необходимости «развития» территории были выявлены интересы частных лиц, бывших и действующих сотрудников администрации⁶¹. Кроме того, жители обратились к местному уполномоченному по правам человека, который помог им вывести обсуждение деталей конфликта в публичную плоскость. И, наконец, они перенесли спор за право на район в суд, где выиграли 16 исков подряд⁶².

В других случаях, тоже крайне редких, встречаются сообщения об открытых выступлениях жителей с заявлением права на пространство. В частности, здесь можно упомянуть митинг жителей красноярской Покровки, недовольных решением городской администрации о застройке микрорайона высотными домами⁶³. В качестве формы сопротивления можно рассматривать и попытку жителей Николаевки использовать против городского режима его собственные ресурсы. В ряде СМИ рассказывается о некоем «председателе СНТ», который предлагал свои услуги по увеличению через суд стоимости идущего под снос имущества, с условием, что разницу выгодоприобретатели поделят с ним пополам⁶⁴. Режим остро отреагировал на подобные попытки: в СМИ появились призывы судить негодяя, а заодно и жителей, которые с его помощью смогли получить за свои дома и землю больше, нежели планировали влиятельные группы.

Заключение

При описании интересующих нас процессов наиболее подходящими, как нам кажется, являются метафоры пространственной маргинальности и фронта. Маргинальность пространств, подпадающих под РЗТ, во многом обусловлена политическим проектом максимально зарегулированного универсалистского «нового города», продвигаемым городскими режимами. То, как влиятельные группы рассуждают на эту тему, напоминает риторику первых советских десятилетий, когда считалось вполне нормальным возвести завод, что называется, в чистом поле и построить вокруг город, искусственно заселив его прикрепленным к нему людьми. Публичный дискурс представителей влиятельных групп свидетельствует о том, что для них ничего не изменилось со времен индустриализации: город-проект и город-реальность в их глазах — это одно и то же, и если для превращения проекта в реальность необходимо переселить пару тысяч человек — ничего страшного. Причем для утверждения проекта вполне достаточно мнения нескольких экспертов, чиновников и застройщиков.

Заявление городского режима о намерении осуществить проект на той или иной территории оттесняет ее на границу между разными

⁶¹ <https://vestiirk.ru/news/city/188745/>.

⁶² <https://irkutsk.news/novosti/2017-09-08/36106-reshenie-merii-irkutska-ostnose-15-ti-domov-rjadom-s-irkutskoi-ges-priznali-nezakon.html>.

⁶³ См., нап. <https://prmira.ru/news/pokrovka-ne-rezinovaya-zhiteli-ustroili-miting-protiv-zastrojki-meriya-otvetila/>.

⁶⁴ <https://regnum.ru/news/polit/2583645.html>.

типами застройки, типами города, типами организации времени. Поскольку влиятельные группы могут менять свое решение или откладывать его исполнение до бесконечности, а жизнеспособных альтернативных проектов практически не появляется, пространство вместе со всем его населением попадает в ситуацию многовариантного будущего, контролировать которое они не могут. Сегодня власть объявляет, что снесет здесь все, завтра — что снесет только часть, и каждый такой поворот означает для населения радикальное изменение жизненных планов, пока не вырабатывается иммунитет и не наступает привыкание.

Смещение структуры времени, способов организации физического пространства и правовых норм, равно как и язык описания соответствующих территорий, позволяют использовать здесь метафору фронта. Запуская программу РЗТ, влиятельные группы начинают процесс внутренней колонизации⁶⁵, цель которой — овладение «физическими» ресурсами пространства (землей и домами) во имя «прогресса». На время осуществления проекта локальность превращается в пограничную зону между цивилизацией и дикостью, между разными типами города⁶⁶. Высказывания представителей влиятельных групп содержат элементы «фронтального» дискурса: «дикие», «маргинальные» территории необходимо «осваивать»⁶⁷. Застройщик предстает «первопроходцем»⁶⁸, государевым человеком, которого ждут тяжелые «бои»⁶⁹ (пусть даже только судебные) с «аборигенами». Само пространство «развития» приобретает сходство с мифологизированным «сибирским фронтиром» — темной, мрачной, пустой землей, нуждающейся в обновлении⁷⁰.

Объявление о старте программы РЗТ становится чем-то вроде объявления войны за город в символическом пространстве. Декларируя свои намерения, городской режим закрепляет за собой право «редактировать» будущее определенной территории. Под предлогом «ветхости» целые кварталы провозглашаются препятствием на пути «прогресса», портящим городское «лицо»; «аварийность» позволяет представить насильственное переселение как заботу о безопасности горожан. Опираясь на подобный образ, власть призывает жителей к мобильности ради приведения территории в «должное» состояние. Мобильность, или, проще говоря, выселение всех, кто все еще здесь живет, тоже преподносится как благо и неперемное условие «прогресса». В высказываниях представителей власти пространство обезличивается, упрощается и сводится лишь к внешнему облику. История зданий, сообществ, локальные практики и человеческий фактор *per se* исключаются из рассмотрения.

В риторике влиятельных групп встречается нечто напоминающее запрос на «депролетаризацию» центра⁷¹, насильственное вытеснение из вернакулярных «престижных» районов небогатых собственников. В ходе «депролетаризации» новая аристократия — застройщики и чиновничество — перераспределяет городские социальные и пространственные ресурсы в свою пользу. Происходит, если можно так выразиться, внутренняя колонизация⁷² наоборот, когда городская аристократия отправляется

⁶⁵ Эткин 2018.

⁶⁶ Ходарковский 2019: 74.

⁶⁷ <http://www.admkrsk.ru/press/news/Pages/news.aspx?RecordID=1439>;
<https://irk.aif.ru/society/edu/414601>.

⁶⁸ https://baikvesti.ru/new/vtoroe-rozhdenie_irkutsk.

⁶⁹ <https://dela.ru/news/nikolaevka-zastrojka/>.

⁷⁰ Панарина 2013.

⁷¹ Трущенко 1995: 107.

⁷² Ремнев 2013.

осваивать земли, населенные бедняками, изымая их у одних и перепродавая другим и параллельно возвращая центральным улицам дореволюционные названия.

В тот момент, когда влиятельные группы переходят от слов к делу, проявляется позиция жителей и наблюдателей. Пространство и мобильность становятся ключевыми определениями, «пустыми знаками», вокруг которых разворачивается конфликт смыслов в медийных текстах. Городской режим и население по-разному определяют пространство, делая из этого разные выводы относительно того, как в его пределах должна протекать мобильность. Жители территорий не имеют монолитного голоса в медиа. Пространство в их высказываниях выглядит неодинаково, что, похоже, не в последнюю очередь обусловлено личными предпочтениями наблюдателей. Часть высказываний жителей подкрепляет позицию влиятельных групп, часть — опровергает некоторые ее аспекты (например, трактовку прошлого), часть — развенчивает конструируемый властью образ города полностью.

Попытки жителей объединиться и совместно противостоять все усиливающимся претензиям влиятельных групп на символическое, социальное и физическое пространство города могут свидетельствовать о появлении на политической сцене Иркутска и Красноярска нового актора. Оспариваются все составляющие транслируемого режимом образа города и его будущего, которому противопоставляется убеждение в том, что пространство обладает не только объективной исторической, но субъективной ценностью как место памяти и место сосредоточения горизонтальных сетей и уникальных практик (вроде возможности заниматься садоводством, живя в центре города). Оспаривается девиантность пространства и его населения. Как следствие, под сомнение ставится тезис влиятельных групп о безусловной пользе «прогресса», подразумевающего радикальное «редактирование» территории и мобильность населения.

Оспаривается сама способность городского режима адекватно оценивать обстановку. Ключевое слово, на котором строится моральный пафос программ РЗТ, — благотворительность. Между тем и те, кто соглашается переехать, и те, кто хочет остаться, рассматривают переезд как жертву, на которую одни готовы пойти, а другие — нет. Более того, само пространство в его «оригинальной» социопропространственной структуре воспринимается как «жертва», которую требует большой город⁷³. И если кого-то волнует прежде всего размер компенсации за отказ от всего комплекса факторов, наделяющих территорию ценностью, то многие в принципе не считают эту жертву приемлемой. Градостроительство на символической карте Иркутска и Красноярска перестает быть игрой с единственным участником⁷⁴. Выходящая, пусть и вынужденно, на политическую сцену города группа начинает осознавать стоимость не только своего имущества, но и образа жизни и эстетики места и отстаивать их. Если на протяжении нескольких поколений основной доминантой, задающей настоящее, прошлое и будущее города, было

⁷³ <https://tvk6.ru/publications/news/45172/>.

⁷⁴ Харви 2018: 98.

производство, а затем — интересы городского режима, то теперь появляются сообщества, которые заявляют претензии на роль дополнительной доминанты.

Библиография

Абашев В.В. и И.М.Печишев. (2018) «Городские сетевые издания как агенты урбанизации» // Абашев В.В., ред. *Город и медиа: Материалы Международной научно-практической конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России»*. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет: 9—30. URL: http://www.rfp.psu.ru/archive/2018media_and_the_city.pdf (проверено 4.12.2019).

Абрамова С.В. (2018) «Московская реновация: анализ российских СМИ» // *Вестник Института социологии РАН*, т. 9, № 4: 156—169. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2018_27/Abramova_155-169.pdf (проверено 4.12.2019).

Ван Дейк Т.А. (2013) *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М.: ЛИБРОКОМ.

Грац Р.Б. (2008) *Город в Америке: жители и власти*. М.: Общество развития родной культуры. URL: <http://www.circleplus.ru/navigator/book/22/2> (проверено 4.12.2019).

Григоричев К.В., В.И.Дятлов, Д.О.Тимошкин и Д.Е.Брызгина. (2019) *Базар и город: люди, пространства, образы*. Иркутск: Оттиск.

Ильина О.В. (2018) «Новые городские медиа как субъект конструирования территориальной идентичности» // Абашев В.В., ред. *Город и медиа: Материалы Международной научно-практической конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России»*. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет: 109—123. URL: http://www.rfp.psu.ru/archive/2018media_and_the_city.pdf (проверено 4.12.2019).

Йоргенсен М.В. и Л.Дж.Филлипс. (2008) *Дискурс-анализ: теория и метод*. Харьков: Гуманитарный центр.

Ледяев В.Г. (2006) «Социология власти: теория городских политических режимов» // *Социологический журнал*, № 3/4: 46—68. URL: <https://www.jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/917/submission/original/917-1697-1-SM.pdf> (проверено 4.12.2019).

Лефевр А. (2015) *Производство пространства*. М.: Strelka Press.

Линч К. (1982) *Образ города*. М.: Стройиздат.

Медведев И.Р. (2017) *Разрешение городских конфликтов*. М.: Инфотропик медиа.

Меерович М.Г. (2014) *Расселенческая доктрина России сегодня и 100 лет назад*. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета.

Панарина Д.С. (2013) «Мифы и образы сибирского фронта» // *Культурная и гуманитарная география*, т. 2, № 1: 39—52.

Ремнев А. (2013) *Вдвинуть Россию в Сибирь: Империя и русская колонизация второй половины XIX — начала XX века*. М.: Новое изд-во.

Ротбард Ш. (2017) *Белый город, черный город: Архитектура и война в Тель-Авиве и Яффе*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Тимошкин Д. и К. Григоричев. (2018) «„Не-место“ вне времени: неопределенность как специфика существования постсоветского города (на примере Иркутска)» // *Антропологический форум*, № 39: 118—140. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/039/timoshkin_grigorichev.pdf (проверено 4.12.2019).

Трофимов А., М. Шарыгин и Н. Исмагилов. (2008) «Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы» // *Географический вестник*, №1: 5—12.

Трущенко О.Е. (1995) *Престиж центра: Городская социальная сегрегация в Москве*. М.: Socio-Logos.

Харви Д. (2008) «Право на город» // *Логос*, № 3 (66): 80—94. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/04.pdf (проверено 4.12.2019).

Харви Д. (2018) *Социальная справедливость и город*. М.: Новое литературное обозрение.

Ходарковский М. (2019) *Степные рубежи России*. М.: Новое литературное обозрение.

Эткинд А. (2018) *Внутренняя колонизация: Имперский опыт России*. М.: Новое литературное обозрение.

McCombs M. (2004) *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*. Cambridge: Polity Press.

D.O. Timoshkin

“YOU ARE NO LONGER HERE”: DOMESTIC COLONIZATION AND URBAN POLITICAL REGIMES OF IRKUTSK AND KRASNOYARSK IN CITY-LEVEL MEDIA

Dmitry O. Timoshkin — Ph.D. in Sociology; Researcher at the Laboratory of Historical and Political Demography at Irkutsk State University.
Email: dmtrtim@gmail.com.

Abstract. The article is devoted to the confrontation between influential groups i.e., coalitions of actors who possess access to urban institutional resources, and residents of the areas that fall under development programs of built-up territories, in the media space of Irkutsk and Krasnoyarsk. The author

views the development programs of the built-up territories as attempts by influential groups to appropriate vast urban spaces in order to profit from it. At the same time, influential groups construct an image of the city and its certain parts in such a way that justifies the expansion, while residents who uphold their own ideas about disputed territories tend to disagree with this image. The positions of the opposing parties are reflected in public statements that ascribe to the disputed areas certain social and spatial meanings.

The article analyzes the arguments made by the parties when they try to define a symbolic space of disputed territories, speech techniques that influential groups use in order to claim their right for the city, and how residents perceive these claims. The purpose of the article is to document values that influential groups and residents attach to the disputed territories, narratives that justify actions to design their future. Toponyms that denote disputed territories are interpreted as “empty signs”, the content of which is set by the participants of the media discussion, who link them to various spatial, emotional or social categories. The image of the disputed territories of Irkutsk and Krasnoyarsk, transmitted by influential groups, is examined through the metaphor of the frontier: the position of the authorities is compared to the position of a colonizer, who acquires territories via forced redistribution of the resources available to the local population. In their legitimizing narratives, the authorities justify seizure of this resource by the immaturity and deviance of its former owners, as well as through the imperatives of “progress”. At the same time, in some cases, the expansion of influential groups stimulates consolidation of residents, who in the future can turn into a significant player in the political scene of the post-Soviet cities.

Keywords: city image, media, urban political regimes, frontier, Krasnoyarsk, Irkutsk, discourse, development of built-up territories

References

- Abashev V.V. and I.M.Pechishchev. (2018) “Gorodskie setevye izdaniya kak agenty urbanizatsii” [Local Online Media as Agents of Urbanization] // Abashev V.V., ed. *Gorod i media: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii “Novye gorodskie media v medialandshafte Rossii”* [City and Media: The Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “New Urban Media in the Media Landscape of Russia”]. Perm: Permskij gosudarstvennyj natsional’nyj issledovatel’skij universitet: 9–30. URL: http://www.rfp.psu.ru/archive/2018media_and_the_city.pdf (accessed on 4.12.2019). (In Russ.)
- Abramova N.V. (2018) “Moskovskaja renovatsija: analiz rossijskikh SMI” [Moscow’s Renovation Program: An Analysis of Russian Media] // *Vestnik Instituta sotsiologii RAN* [Bulletin of the Institute of Sociology], vol. 9, no. 4: 156–169. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2018_27/Abramova_155-169.pdf (accessed on 4.12.2019). (In Russ.)
- Etkind A. (2018) *Vnutrennjaja kolonizatsija: Imperskij opyt Rossii* [Internal Colonization: Russia’s Imperial Experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

- Gratz R.B. (2008) *Gorod v Amerike: zhiteli i vlasti* [The Living City]. Moscow: Obshchestvo razvitiya rodnoj kul'tury. URL: <http://www.circleplus.ru/navigator/book/22/2> (accessed on 4.12.2019). (In Russ.)
- Grigorichev K.V., V.I.Djatlov, D.O.Timoshkin, and D.E.Brjazgina. (2019) *Bazar i gorod: ljudi, prostranstva, obrazy* [Bazaar and City: People, Spaces, Images]. Irkutsk: Ottisk. (In Russ.)
- Harvey D. (2008) "Pravo na gorod" [The Right to the City] // *Logos*, no. 3 (66): 80–94. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/04.pdf (accessed on 4.12.2019). (In Russ.)
- Harvey D. (2018) *Sotsial'naja spravedlivost' i gorod* [Social Justice and the City]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Ilyina O.V. (2018) "Novye gorodskie media kak sub'ekt konstruirovaniya territorial'noj identichnosti" [New Urban Media as a Subject of the Territorial Identity Construction] // Abashev V.V., ed. *Gorod i media: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-practicheskoy konferentsii "Novye gorodskie media v medialandshafte Rossii"* [City and Media: The Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "New Urban Media in the Media Landscape of Russia"]. Perm: Permskij gosudarstvennyj natsional'nyj issledovatel'skij universitet: 109–123. URL: http://www.rfp.psu.ru/archive/2018media_and_the_city.pdf (accessed on 4.12.2019). (In Russ.)
- Jorgensen M. and L.J.Phillips. (2009) *Diskurs-analiz: teorija i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method]. Kharkov: Gumanitarnyj tsentr. (In Russ.)
- Khodarkovsky M. (2019) *Stepnye rubezhi Rossii* [Russia's Steppe Frontier]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Ledyae V.G. (2006) "Sotsiologija vlasti: teorija gorodskikh politicheskikh rezhimov" [Sociology of Power: A Theory of Urban Political Regimes] // *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], no. 3/4: 46–68. URL: <https://www.jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/917/submission/original/917-1697-1-SM.pdf> (accessed on 4.12.2019). (In Russ.)
- Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [La production de l'espace]. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
- Lynch K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City]. Moscow: Strojizdat. (In Russ.)
- McCombs M. (2004) *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*. Cambridge: Polity Press.
- Medvedev I.R. (2017) *Razreshenie gorodskikh konfliktov* [Resolution of Urban Conflicts]. Moscow: Infotropik media. (In Russ.)
- Meerovich M.G. (2014) *Rasselencheskaja doktrina Rossii segodnja i 100 let nazad* [Settlement Doctrine of Russia Nowadays and 100 Years Ago]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)
- Panarina D.S. (2013) "Mify i obrazy sibirskogo frontira" [Myths and Images of the Siberian Frontier] // *Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija* [Cultural and Humanitarian Geography], vol. 2, no 1: 39–52. (In Russ.)
- Remnev A. (2013) *Vdvinut' Rossiju v Sibir': Imperija i russkaja kolonizatsija vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka* [Pushing Russia into

Siberia: The Empire and Russian Colonization in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)

Rotbard S. (2017) *Belyj gorod, Chernyj gorod: Arkhitektura i vojna v Tel'-Avive i Jaffe* [White City, Black City: Architecture and War in Tel Aviv and Jaffa]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Timoshkin D. and K.Grigorichev. (2018) „Ne-mesto“ vne vremeni: neopredelennost' kak spetsifika sushchestvovanija postsovetskogo goroda (na primere Irkutskaja)“ [“Non-Place” beyond Time: Uncertainty as the Specificity of the Existence of a Post-Soviet City Localities (The Case of Irkutsk)] // *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], no 39: 118—140. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/039/timoshkin_grigorichev.pdf (accessed on 4.12.2019). (In Russ.)

Trofimov A., M.Sharygin, and N.Ismagilov. (2008). “Territorial'naja identifikatsija v geografii i vernakuljarnye rajony” [Territorial Identification in Geography and Vernacular Areas] // *Geograficheskij vestnik* [Geographical Bulletin], no. 1: 5—12. (In Russ.)

Trushchenko O. (1995) *Prestizh tsentra: Gorodskaja sotsial'naja segregatsija v Moskve* [The Prestige of the Center: Urban Social Segregation in Moscow]. Moscow: Socio-Logos. (In Russ.)

Van Dijk T. (2013) *Diskurs i vlast': Representatsija dominirovanija v jazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power]. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)